
Господи, Боже мой! Если я что сделал, если есть неправда в руках моих, если я платил злом тому, кто был со мной в мире, — я, который спасал даже того, кто без причины стал моим врагом, — то пусть враг преследует душу мою и настигнет, пусть втопчет в землю жизнь мою и славу мою повергнет в прах.

Восстань, Господи, во гневе Твоем; подвигнись против неистовства врагов моих, пробудись для меня на суд, который Ты заповедал...

Псалтирь. Псалом 7, 4 — 7

А если кто-нибудь из многобожников просил у тебя убежища, то приюти его, пока он не услышит слова Аллаха. Потом доставь его в безопасное для него место. Это — потому, что они — люди, которые не знают.

Коран. Сура 9. Покаяние. 6(6)

Вступление

Он вышел из автомобиля и, хмуро посмотрев по сторонам, поднял воротник плаща. Метрах в двадцати от него стояла группа людей. Мелькали огни фонарей. Одна из машин сумела проехать поближе и осветить место происшествия, включив дальний свет. Он прошел дальше.

— Подполковник Цапов, — представился прибывший.

— Сюда, — показал один из офицеров милиции в насквозь промокшем плаще. Очевидно, это был один из сотрудников ГАИ, первыми прибывших на место преступления, сразу же после обнаружения убитых.

Цапов сделал еще несколько шагов. Один из группы обернулся и, заметив Цапова, кивнул ему.

— Добрый вечер, — поздоровался подполковник.

— Какой он, к черту, добрый! — чертыхнулся его собеседник, очевидно, старший в группе. Цапов узнал его. Это был полковник Семечкин. Несмотря на

моросящий дождь, он был в расстегнутом пиджаке. Волосы уже намокли, и теперь тонкие струйки бежали по его лицу.

— Меня попросили приехать сюда, — миролюбиво сказал Цапов.

— Все правильно, — кивнул Семечкин, — ваше начальство считает, что вы лично знали убитого. Вы можете опознать его?

— Постараюсь. — Цапов наклонился над двумя трупами, прикрытыми брезентом. Один из стоявших рядом сержантов предупредительно отогнул брезент. При свете автомобильных фар и фонарей можно было разглядеть вытянутые черты лица одного из покойников. Цапов взглянул на убитого, вздохнул и поднялся.

— Это он, — сказал подполковник, кивнув, — я его узнал. Как это произошло?

— Три часа назад их машину обнаружили в кустах, — мрачно пояснил Семечкин, — видимо, ее обстреляли на шоссе. Непонятно, почему она не взорвалась. Обычно в таких случаях автомобили горят как спички. Нападавшие буквально изрешетили автомобиль. Видимо, оба погибших сидели в этот момент в машине. Здесь никого нет, глухое место. Но один из дачников в это время проходил неподалеку и услышал стрельбу. Пока он позвонил, пока нам передали сообщение, пока мы приехали... Думаю, прошло часа два...

— Их убили из автомата? — спросил Цапов.

— Возможно. Но их потом добивали. Выстрелами в голову.

— Вы думаете, они еще были живы?

— Если даже и живы, то в таком состоянии, что уже ничего не соображали. У каждого из них несколько тяжелых ранений. Но их еще добивали в голову, это точно. Я такого за последние несколько лет несмотрелся. Типичный бандитский почерк. Машину мы нашли метрах в десяти отсюда. Значит, тела даже не перетаскивали.

— Их обыскивали? — Цапов снова наклонился, глядя на убитого.

— Нет. Документы оставили. Деньги тоже. Обычно в таких случаях документов у погибших не бывает. Но у этого оставили и его справку, и водительские права. Мы связались с управлением и выяснили, что вы работали с этим типом. Поэтому мы и решили вызвать вас, чтобы вы опознали его.

— Это Афанасий Сергеевич Степанóвич, — устало сказал Цапов, — его арестовали в прошлом году. — Он выпрямился. — Второго я не знаю, но думаю, что один из его компаньонов. Или его водитель. Может, охранник. Нужно проверить, если у него остались документы, я думаю, сделать это будет нетрудно.

— Начнем проверять, — вздохнул Семечкин. — Может, возьмете себе эти убийства? У меня и без них дел полно. А прокуратура еще и эти данные внесет в отчетность за этот месяц. Сегодня же тридцатое число, испортим все показатели управления. Мне за это голову оторвут.

— Это не мое дело, — усмехнулся Цапов, — такие вопросы я не решаю.

— Знаю, знаю, — недовольно сказал Семечкин. — Ладно, спасибо вам, подполковник. Будем разбираться сами. Вы знаете, что мы еще нашли у убито-

го? Вместе со справкой об освобождении у него был новенький паспорт. А ведь справку ему выдали вместо паспорта, который он еще должен был получить.

Купил, наверно, — хмуро сказал подполковник, — сейчас это нетрудно.

— Придется еще разбираться и с этим паспортом, — обреченно махнул рукой Семечкин.

— Оружия не нашли?

— Думаю, если хорошо поищем, то где-нибудь недалеко найдем и оружие, из которого их убивали. Обычно используют наши «калашниковы» и «ГТ». Мы их так и называем — «пистолетами киллеров». И чего только он вышел из тюрьмы так быстро? — кивнул на убитого полковник. — Если бы сидел, может, еще был бы жив.

— А я думал, что Степановичу сидеть не меньше десяти лет, а он уже через год вышел... Наверно, у нас не очень четко действуют законы. Как вы считаете?

— Что? — не понял Семечкин.

— Ничего. Я больше не нужен?

— Нет, спасибо. Сейчас сотрудники прокуратуры закончат, и мы увезем тела. У вас есть версии о мотивах преступления?

— Какие версии, — поморщился Цапов. — Он отвечал за переброску крупной партии наркотиков через Среднюю Азию. Операция сорвалась, товар был конфискован. Сейчас его, наверно, и вытащили из тюрьмы для подобных мероприятий. Черт бы нас всех побрал! Это как гидра, одну голову отрубашь, две новые вырастают.

Он повернулся и пошел к автомобилю.

— Подождите, — крикнул вслед Семечкин, — вы не сказали еще, кто именно мог это сделать?

— Не сказал? — Цапов повернулся, пожал плечами. Дождь уже кончился, и он поправил воротник плаща. — А какая, собственно, разница? Все равно он был обречен. Я ему об этом говорил.

Цапов открыл дверцу, сел в машину. И, уже уткнувшись подбородком в руль автомобиля, задумчиво смотрел, как увозят тела убитых. И лишь когда машина «Скорой помощи» уехала, подполковник неспешно повел автомобиль в сторону города.

Глава первая

Самолет плавно пошел на посадку. Он посмотрел в иллюминатор. Внизу мелькал привычный ландшафт. Исмаил Махмудбеков вздохнул, взглянул на часы. Его будут встречать в аэропорту, как всегда, подъехав к трапу самолета. Полет прошел нормально, рейс авиакомпании «Трансаэро» подходил к концу. Он вызвал стюардессу.

— Принесите стакан воды, — строго попросил он.

Девушка привычно улыбнулась и поспешила выполнить его просьбу. Он всегда летал бизнес-классом по этому маршруту, и многие стюардессы знали его в лицо. Мощный, широкоплечий, с большим выпуклым лысым черепом, он сразу запоминался. Короткие сильные руки, упрямый подбородок, тонкая линия губ. Махмудбеков был преуспевающим бизнесменом, широко известным не только на родине в Чечне, но и в сопредельных государствах. Его частые визиты в Москву, Санкт-Петербург, Киев, Баку, Тбилиси, Стамбул и Тегеран не были ни для кого секретом. Офисы его компании располагались

в трех городах — Москве, Стамбуле и Баку. Четвертый офис «торговой» компании сгорел во время чеченской войны, но Махмудбеков твердо обещал восстановить его в прежнем виде.

Но подлинная его деятельность оставалась неизвестной для многих. На самом деле Исмаил Махмудбеков возглавлял мощную организацию, занятую переброской наркотиков. И эта деятельность и была главной и определяющей для его компании и ее многочисленных сотрудников.

Стюардесса вернулась, и он жадно выпил прохладную воду. Снова посмотрел на часы. Он никогда не летал в одиночку. В салоне экономкласса сидели двое его телохранителей, которые сдали оружие в Баку, оставив пистолеты сопровождающим рейс охранникам. Махмудбеков привычно проходил со своими людьми через депутатские комнаты, где, как правило, не досматривали входивших и сопровождающих.

Он достал мобильный телефон, набрал номер. Дождался, когда ему ответят.

— Как дела, Слава? — спросил Махмудбеков.

— Мы уже в аэропорту. Сейчас объявили, что ваш самолет садится через несколько минут.

— Это я и без них знаю, — усмехнулся Махмудбеков и убрал телефон.

Чтобы исключить любую неожиданность, в аэропорту Шереметьево-один Исмаила Махмудбекова обычно встречали у трапа самолета. В комнату официальных делегаций заранее передавалась заявка. Затем два или три человека приезжали на встречу. Одному разрешали выехать к самолету в сопрово-

ждении пограничника и представителя аэропорта. Встречавший был вооружен и всегда имел при себе чемоданчик с оружием, который сразу передавался телохранителям Махмудбекова, как только они оказывались внизу.

Но в этот раз, кроме телохранителей, привычно расположившихся в первом ряду второго салона, вместе с коммерсантом летела его дочь Ирада. Девочка училась в Стамбуле, куда отец отправил ее во время войны, подальше от творившегося вокруг ужаса, еще пять лет назад. За эти годы Ирада из длинноногого подростка превратилась в симпатичную молодую девушку, которой едва минуло семнадцать и которая выглядела удивительно взрослой, несмотря на свой юный возраст. Она не догадывалась, чем занимается отец, а он старательно скрывал от нее свое настоящее «дело».

Девочка, рано потерявшая мать, воспитывалась у его сестры, и в последние годы он видел дочь лишь во время своих визитов в Стамбул. Он давно обещал взять ее с собой в Москву и теперь, воспользовавшись случаем, взял дочь сначала в Баку, куда они прилетели из Стамбула, а вот теперь и в Москву. Сейчас он вдруг мрачно подумал, что не стоило брать Ираду именно в этот раз, когда должны были состояться столь сложные переговоры. Именно поэтому, в тот момент, когда самолет пошел на посадку, он посмотрел на дочь и, нахмурившись, коротко приказал:

— Застегни ремни.

Лайнер уже выпустил шасси. Показалась бетонная полоса. Обычно самолеты снижались таким

образом, что в иллюминаторы было видно здание другого международного аэропорта — Шереметьево-два, что всегда несколько смущало новичков, уже известивших родных и близких о прибытии в Шереметьево-один. Однако затем лайнер набирал скорость и почти как автобус довозил пассажиров до здания другого аэропорта.

Махмудбеков снова посмотрел в иллюминатор. Еще не успели подать трап, когда к самолету подъехал автобус, обслуживающий гостей зала официальных делегаций. В окне автобуса мелькнуло строгое лицо миловидной девушки-пограничника. За ней быстро вышел знакомый сотрудник «фирмы», уже державший в руке привычный чемоданчик. Он сделал несколько шагов к самолету, вставая рядом с трапом.

Двое телохранителей Махмудбекова привычно быстро вышли из второго салона, застыв рядом с его креслом. Стюардесса попыталась улыбнуться.

— Вернитесь на свои места, — предложила она, но осеклась, заметив холодные маски-лица обоих. Она вернулась на свое место, уже не пытаясь помешать этим двоим нарушать сложившийся порядок выхода из самолета. Махмудбеков тяжело поднялся из кресла.

— Пора, — коротко сказал он дочери.

Она улыбнулась. В семнадцать лет все кажется прекрасным, тем более визит в Москву, где она не была уже несколько лет. Один из телохранителей прошел вперед и, встав у выхода из самолета, поздоровался с приехавшим за ними. Тот улыбнулся, показывая великолепный оскал белых зубов.

— Все в порядке? — спросил по-русски стоявший внизу.

— Да, — ответил ему телохранитель и первым стал спускаться по трапу.

Сойдя вниз, он тут же взял чемоданчик. И теперь у трапа стояли уже двое вооруженных людей. Махмудбеков, тяжело дыша, вышел из самолета. Он всегда немного задыхался в ограниченном пространстве, но при его ритме жизни приходилось часто летать самолетами. Дочь вышла за ним. Замыкал шествие второй телохранитель. Они спустились и привычно быстро прошли к стоявшему рядом с самолетом автобусу, прибывшему специально за ними.

В этом самолете других высоких гостей не было, и девушка-пограничник вошла в автобус, сухо спросив:

— Больше никого нет?

— Никого, — отозвался приехавший за Махмудбековым человек, — все четверо здесь.

— Приготовьте ваши паспорта, — сказала девушка, когда автобус тронулся.

Они подъехали к зданию аэровокзала. Махмудбеков тяжело проследовал в зал официальных делегаций. Встречавший шел за ним.

— Все в порядке, Кязим? — спросил Махмудбеков.

— Они подтвердили, что готовы начать переговоры, — коротко сообщил Кязим, — говорят, что готовы взять на себя всю реализацию нашей продукции.

— Как будут платить? Сразу или частями?

— Об этом мы еще не говорили, — чуть виновато сказал Кязим, — мы ждали вас.